

ДРЕВНИЙ
ПОИСК

И

ПОСЛЕДУЮЩЕЕ ОТКРЫТИЕ,
ПРИМЕНЕНИЕ, ПОТЕРЯ
И ВОЗВРАЩЕНИЕ

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

все для
вашего:

1. любопытства
исследования
поглощения
2. интереса
удовольствия
мечтания
3. знания
анализа
и
использования

еще одна из книг
Кена Кизи,
что прежде написал

«НАД КУКУШКИНЫМ ГНЕЗДОМ»

и

«ПОРОЮ БЛАЖЬ ВЕЛИКАЯ»

и чьею
Благодатной Милостью!
проделана
нижеследующая работа...

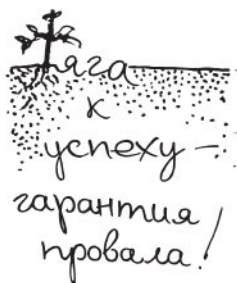

В нашей программе — 5 ЛОТОВ НАРАСХВАТ

С костюмами от гостей — Пола Краснера,
Нила Кэсади, Аллена Гинзберга, Хью Ромни,
а также
предисловием Артура Миллера

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АЗБУКА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
К 38

Ken Kesey
KESEY'S GARAGE SALE
Copyright © Ken Kesey, 1973
This edition is published by arrangement
with Sterling Lord Literistic and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Николая Караева
Оформление обложки Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-15305-9

© Н. Караев, перевод, 2006
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА*

Милая леди верхом на танцующих пальцах помещена здесь для того, чтобы прельщать вас головокружительными восторгами ослепляющего мира ее создателя, ко-его зовут

ПОЛ ФОСТЕР, artiste extraordinaire¹.

Путешествуя по следующим страницам, будьте готовы испытать на себе сиренические уловки его кислото-молочных художествований!

¹ Великолепный художник (фр.). — Здесь и далее прим. переводчика.

ВВОДНАЯ

Привет. Добро пожаловать на
ГАРАЖНУЮ РАСПРОДАЖУ
КЕНА КИЗИ.

Позвольте представиться: профессор
Кеннет Юстус Барнс, ранее — глава
Навеки-Верной¹ Школы Квасного Па-
триотизма, ныне — Верховный Храни-
тель замечательной коллекции: Про-
казницких Архивов.

Как свидетельствует этот пора-
зительно достоверный фотоснимок,
сделанный во время послеобеденной
рабочей встречи исследователей на
территории Архивного Института,
извлечение сокрытой в Архивах ин-
формации — тяжелая и трудоемкая
затея, сопряженная с ужасной нераз-
берихой.

На этой и других рабочих встре-
чах мы поняли, что всякий практиче-
ски бесценный и блестящий фрагмент

должно изолировать от окружающих
миазмов и предложить пытливому
вниманию любознательной и чрезвы-
чайно пронизательной аудитории.

И Вдохновенный Ум блеснул! Воз-
никла идея Гаражной Распродажи, из-
веданного маневра, что вновь окунет
скопившийся в углах вашего зауряд-
ного домохозяйства ненужный хлам
в экономический поток жизни, какой
мы знаем ее сегодня. С небольшим ко-
личеством отходов.

¹ Навеки верен (*лат.* *Semper fidelis*) — девиз Корпуса морской пехоты США, официально принят в 1883 г.

Ни на йоту не отступая от наших принципов, мы поделились идеей с экипажем «Викинга», почтенного корабля, что в состоянии отбуксировать наш проект с безмятежных добрососедских улочек в темные аллеи Великой Американской Мегалопической¹ Раскорячки, объяв двумя концами спектра невпечатленные миллионы в Самом Сердце Страны.

«Викинг» ответил коротко и просто: «ВПЕРЕД!» Научное взаимодействие с самого начала великолепно сочлось с профессиональным напором. Первичные данные и аналитические отчеты молниями пролетали от берега до берега, скользили по телефонным линиям, проносились в небесах на крыльях Почтовой службы США: детали внешней композиции, конкретные составные части, а также способы явить образующие ГАРАЖНУЮ РАСПРОДАЖУ КЕНА КИЗИ культурные сокровища широкой общественности.

Отчет о ПРОДЕЛЫВАЕМОЙ РАБОТЕ

30.11.71

Все вы видели знаки: «ГАРАЖНАЯ РАСПРОДАЖА — В 50 ЯРДАХ ВПЕРЕДИ». Время от времени добрые люди ощущают потребность расчистить залежи на чердаках, в подвалах, в гаражах — выволочь барахло во двор, отобрать вещи, которые дороги как память или просто дороги, — и выставить на продажу остальное, ту часть, которая была частью вас и которой вы теперь желаете поделиться с другими. Вы избавляетесь от нее неохотно, лелея надежду на то, что но-

вый собственник отнесется к части вас с заботой и пониманием. Вот так Кизи и проводит свою Гаражную Распродажу.

Сторджис Холливелл, Старший Научный Советник «Викинга» и мой коллега на Восточном побережье, великодушно взял на себя взыскательный труд разрешить сложнейшие уравнения, описывающие взаимодействие массы и энергии в идеальных условиях, дабы добиться в оптимальном итоге реакции, к которой все мы стремились: бесстрашно погрузившись в сердцевину Архивов, отыскать скрытую в самом центре искру и суметь выудить пробу сырьевого материала в надежде сотворить из базового элемента совершенно новую уравновешенную структуру.

Задача, как вы можете заметить, не из легких. Ее даже осмыслить трудно. Осуществить — еще труднее. Адская работа выпила соки из сильнейших, вытянула жилы из здоровейших, но не сломила решимость слабейших. Если коротко — сей труд испытал всех участников на прочность до самых глубин, потрясши столпы их веры.

На этом трудном пути выжило Видение. Прошу вас, взгляните: лысеющий почтенный Мудрец, осмотрительно и бессистемно окружавший себя реликвиями, счастливо блюдет свою старость, восседая в блаженстве среди сокровищ, и вдруг обнаруживает, что осажден разгневанной и непреклонной толпой родных и близких, которые подступают с требованием не только освободиться от рухляди, но и

¹ Мегалопия — нарушение зрения, при котором все окружающие предметы кажутся пропорционально увеличенными в размерах.

нажиться на ее сбыте, да так, чтоб потом составить абсолютно новую лекцию из вещей сугубо фабричного производства.

Для этой цели была сформирована разношерстная команда, о которой рассказывается далее.

27.04.72

В этом кратком отчете речь пойдет о многотрудной десятидневной стоянке в Орегоне, при которой к строительной бригаде БИТа (Бестрепетнотриповый Информационный Треп) присоединился Старший Научный Советник Востока, и мы все вместе продолжили возведение новой структуры — дома для тех, кто лишен крепости. Мы смешали песок со щебнем, добавили цемента и начали заполнять смесью заранее отлитые формы.

Картинка, с вашего позволения, наипасторальнейшая: красный сарай, которому присвоено почетное и ласковое звание дома; курятник, дополняемый двором, в котором тьма-тьмушная — «вас в конторе нашей ждет что вам в голову взбредет!» — разумеется, цыплят, а также пара павлинов и свое нравный индюк; белый гусак глядится в полный форели пруд; на выгоне пасутся свиньи, пони, осел и несколько бычков; есть и масса надворных построек, включая Пространственно-Обогревательный Дом. У трепещущего символа американской гордости покоится весело разрисованный автобус — да-да, он тут, отдыхает молча, даже задумчиво, — символ еще одной гордости. Заходя внутрь, мы видим рвущуюся в бой группу тружеников, готовых решать насущные задачи. Вся бригада в сборе: Кизи, первоисточник

букв; Кати, их передатчик; Баббс, переносчик их на страницу; Фостер, символист и местный трансценденталист; и ваш покорный, Старший Научный Советник. Работа, работа, работа — мелькают дни — мы не покладем рук, не сводя глаз с неба, что грозит орегонским дождем. Слова льются рекой — оседают на бумаге — вырезаются и обтесываются на странице — читаются, чтобы... «постой, тут еще одна гадская опечатка». В то же время — ярьась ястребом и кольшась кашалотом (и много при том кашляя) — Фостер дожидается очередной усмирненной страницы, дабы декорировать ее вычурными изображениями. Бригада ныне работает в крестьянском ритме — изнемогая над проектом первостепенной важности, что потрясет и усладит целое поколение.

Выделенные курсивом части Вводной — отрывки, извлеченные из засекреченного корпоративного рапорта, написанного Сторджисом Холливеллом; молодой клерк (младший брат Сторджиса, Денис) тайно исторг их из упрятанных в сейф записей, ощутив, как отмечает он в сопроводительной записке, что ему как патриоту положено открыть жаждущей публике всю правду. «Она им по зубам...» — написал он.

С этим мнением я, профессор Кеннет Юстус Барнс, Верховный Хранитель, говорящий от имени всего коллектива Архивного Института, искреннейше соглашусь.

Насколько мы преуспели — еще одна из множества историй, составивших эту книгу.

Когда наблюдаемые материалы и данные были тщательно изучены, их преобразовали в исчерпывающе завершённую структуру. Затем во время изнурительного мозгораскидочного марафона Архивисты сформулировали согласованный порядок демонстрации, и немедленно вслед за этим Дуг Саймон, Главный Художник и Графический Эксперт Южного Чикаго (а также Кошмар Коллекционера), поспешил на Запад; он ехал не останавливаясь в «тойоте-ставагон» (соглашения о взаимовыгодной торговле вгрызались в подсознание сквозь виниловые сиденья, ползли вверх по позвоночнику и забирались в продолговатый мозг, ча-ча-ча...), чтобы провести ко всеобщему удовлетворению смертельно срочные переговоры с карандашом, что жал на ловкие линии и загогулины, и кистью, что замахивалась с мягким свистом на легкие тени, и отразить в печатных формах и рисунках важнейшую информацию, которую содержит...

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это, само собой, беспорядочная книга, и циникам ничего не стоит разделаться с ней как с очевидной попыткой нажать на дважды публикуемых текстах, а также на сочинениях, забитых подальше в ящики стола. Или же Кизи подставил свою широкую спину друзьям, живым и мертвым, чтобы явить их и себя пред очи публики? Каков бы ни был расчет, вы не в силах отделаться от мысли, что читаете историю; и пусть лучше эту историю вывалят вам на голову, нежели разглядят, логически обоснуют и повяжут сверху бантик. Поскольку, если в пятидесятые и шестидесятые свершилась некая революция, никто ее, разумеется, не планировал и не продумывал, и писатели, что стали рупором ее духа, гнались не за идеологией, но за видением.

Лучше всего оставить критику критикам, что непременно упомянут страницы, заполненные слащавыми сантиментами, неловкий, если угодно, стиль писем, разлапистую самоуверенность Американского Романа. Я же хочу рассказать, о чем все это говорит мне. Я должен, кроме прочего, признать: издание подобной книги требует достоинства и мужества, что в послед-

ней инстанции может перевесить все недостатки.

Однажды в пятидесятые журнал «Лайф» разослал опросник, требовавший отозваться о новой Революции, которая, предположительно, имела место быть. Я отослал свой без ответов и сделал приписку: никакой революции нет. Я был прав и неправ, и эта книга — тому подтверждение. На моей памяти ближе всего к революции мы были зимой 1932 года, когда главные банкиры отправились в Вашингтон и там всерьез обсуждали с министерством финансов свой план, по которому все банки перешли бы под контроль правительства. Вот тогда — да, и еще во дни сидячих забастовок во Флинте, штат Мичиган¹. Я имею в виду не столько сами эти события; среди предпринимателей, да и в народе тогда раздавались голоса, что система агонизирует и что с тотальным бардаком в Соединенных Штатах можно покончить, лишь перейдя к какой-то форме социалистической собственности. В последующие сто дней администрация Рузвельта затопила страну новыми законами, которые спасли капитализм, фактически положив пределы разрешенной бесчестности и ненасыт-

¹ Имеются в виду забастовки рабочих завода автомобильных корпусов «Фишер», начавшиеся в конце 1936 г.

ности; выход за эти пределы грозил тюрьмой. Прямые денежные выплаты отчаявшимся людям стали с тех пор государственной политикой.

Революционный момент длился, пожалуй, четыре или пять лет, главным образом, я думаю, потому, что у Верхов сдали нервы и они не имели ни малейшего понятия о том, как справиться с массовой безработицей. При таком раскладе тот, кто поддерживал социализм и ударялся в политику, неминуемо шагал в авангарде.

Революция пятидесятых и шестидесятых назрела в условиях экономического бума сразу после того, как Верхы восстановили равновесие, очистив университеты и богему — при помощи маккартизма — от последних людей с социальным (не говоря о социалистическом) мироощущением. Если за авангардом тридцатых и стояла единая концепция, это была концепция людской сплоченности, а лозунг пятидесятых был — одиночество. В тридцатые радикалы любого толка видели, что американскую систему необходимо смягчить; молодежь пятидесятых были лишена такого удовольствия, и когда пришел мятеж, он стал неминуемо личным, а не политическим, поскольку американская политика функционировала исправно и вернула себе былую силу.

Однако если эта революция и не стала классической — власть не перешла от одного класса к другому, — она граничила с революционным процессом, ибо переворачивала вверх дном точку зрения людей на то, чем человек является и чем он может стать. Более того, современная революция заявила о новой необходимости считаться (что старались делать и революционеры

тридцатых) с человеческим фактором, со скрытой матрицей, что ведет всех нас. Так что в психологическом смысле между двумя молодыми поколениями наблюдается преемственность. И не только в нем.

Общепринято говорить, что революция тридцатых стала мятежом разума, а нынешняя как была, так и осталась мятежом воли и что они различаются, как рационализм и мистицизм. Тексты в этой книге, особенно «По Ту Сторону Границы», напоминают мне о том, что данная дихотомия неверна.

Разумеется, множество людей, вероятно, даже большинство радикалов тридцатых навели на левацкие мысли пустота в желудке и сведенные на нет шансы зашибить деньгу. Что естественно и оправданно. Так же естественно и оправданно, как мироощущение массы революционеров пятидесятых и шестидесятых, для которых все свелось к возможности трахаться без этикета, ухаживаний и прочей трихомудрии.

Тут я скажу за себя. Когда началась Депрессия, мне было четырнадцать, и я, как и многие другие подростки, о наступлении новой эпохи догадался по отцу. То были ужасные времена для отцов: они перестали быть лидерами, уверенными в себе главами семейств, и превратились в мужчин, которые не понимали, что им делать завтра. Деньги иссякли, и американский индивидуализм велел отцам винить в неудачах лишь самих себя, как раньше велел им ставить себе в заслугу успех. Внезапно преобразились разговоры под фонарем у аптеки на углу: никого не интересовало, собираешься ты быть врачом, юристом, бизнесменом или ученым; все спрашивали, какого черта ты будешь делать, когда в один

ужасный день закончишь школу. Наши соседи накладывали на себя руки. Мы все плыли на горделивом и мощном корабле — и вот посреди океана он сел на мель, распоров брюхо о невидимый риф.

Кажется, что рассказывать о том, как жилось в те годы, легко; я пробовал несколько раз, но передать толком ощущение загадочной подводной опасности мне не удавалось никогда. А причина в том, что катастрофа таких масштабов непередаваема, ее не обрисуешь простыми фактами, ибо не только факты давили на меня, не простое понимание того, что изменилась психология родных и близких, но испытываемое мной — и другими — чувство, что мы захвачены тайной духовного свойства, куда более глубокой и всеобъемлющей, нежели экономический кризис. Я вижу Депрессию как пылающее солнце, что никогда не заходит; подвешенное в небе, оно жжет изумленных, опаленных людей, пыль висит над дорогами, мебелью, кухонным столом. Дело было не просто в том, что множество шишек, лидеров, августейших персонажей оказались на поверку пустобрехами либо обычными жуликами вроде главы биржи, который отправился за решетку. Все, во что ты верил, обернулось ничем, и целое поколение взрослых людей оказалось в дураках.

Так я отправился в синагогу. Да-да, местную ортодоксальную синагогу. В ее уродливом здании трое мужчин играли в пинокль; сидели в коридоре при входе и шлепали картами. Я взял стул и подсел к ним. Не осознавая, чего я, собственно, хочу. Я читал на иврите, но из того, что проговаривал, не понимал почти ничего. Я вошел внутрь,

взглянул на биму, на закрытые дверцы, за которыми стояли свитки Торы. Нечто должно было говорить со мной — но я не слышал ни слова. И ушел домой и потом приходил в синагогу несколько раз, но солнце все так же стояло в небесах, и никто мне ничего не говорил. Я даже стал петь в маленьком хоре, но со мной по-прежнему ничего не случилось, ничто внутри меня не сдвинулось с места.

Неявная угроза безработицы — в том, что ты навсегда останешься ребенком. Мне повезло, я получил работу и за четыре доллара в неделю каждое утро с четырех до семи развозил на велосипеде булочки и хлеб. Замерзающие кошки преследовали меня от дома к дому и орала от боли, стремясь к теплу моего тела. Летние рассветы ласково касались спящих односемейных домов, но мой мир был отравлен страхом перед близящимся окончанием школы. Мужчины не были нужны никому, а объявления о найме в «Нью-Йорк таймс» снабжались, как и раньше, приписками «нееврей» или «белый», и все равно этих объявлений никогда не бывало больше дюжины. Мужчина, не говоря о мальчике, не стоил ничего; пробиться куда-либо было попросту невозможно.

Как-то раз на ветреном углу улицы, где я ожидал своей очереди побросать мяч о кирпичную стену дома измученного аптекаря, один парень, уже поступивший в колледж, заговорил о капитализме. Я никогда не слышал про капитализм. Я не знал, что мы живем в какой-то системе. Я думал — так было всегда. Он сказал, что мировая история (что за история?) — это история борьбы классов (каких таких классов?). Он говорил невнятно, но чер-

товски здорово играл в мяч, и я его уважал. Он был уникалом, твердил одно и то же всякий раз, когда мы встречались. Он вываливал на меня груды слов, но ни одно не прилипло; меня все это, видимо, не интересовало. Я хотел знать, пусть и не понимал этого, лишь одно — как восстановить семью. Как мне ее прокормить. Как вернуть легкость. Как сделать так, чтобы отец снова стал главным, чтобы он не приходил домой ночью усталый и виноватый. Думаю, я хотел, чтобы что-то сдвинулось.

Однажды, когда мы стояли на пляже Кони-Айленда, этот парень сумел до меня достучаться. В те времена семьи жили под дощатым настилом в хибарах из железного лома или вагонки, и мы вдыхали запахи испражнений и обедов, мешавшиеся под солнцем. Внезапно я понял, о чем он толкует. Он сказал: «Ты — часть деклассированной буржуазии». И жизнь ускорила, как ни безумно это звучит. Потому что:

Мой отец перестал быть виновным. Не его постигла неудача, нет; все мы были частью predetermined истории драмы, в которой средний класс постепенно беднел, а высший — обогащался и средний класс объединялся с рабочими ради создания социалистической экономики. Воистину, я познал то, чего не дала мне синагога, — облагораживающий вид сверху. Вновь можно было думать, что люди что-то значат, что в отчаянии и истерии матерей есть скрытый смысл, что отцы однажды снова гордо займут свое ме-

сто. Жизнь вдруг обрела непознаваемую цель; нужно было разнести эту весть, пробудить сознание. А дальше?

Придет день, и конфликт будет исчерпан. Вещи потеряют свою ценность, ими будут снабжать нас машины. Мы все будем жить примерно как люди в парке по воскресеньям: спокойные, улыбчивые, исполненные достоинства. Эра Вещей прошла. Людям осталось только об этом узнать.

Обычно подобный опыт называют материалистической религией, но для меня материализма в нем почти и не было. Я искал не денег и не лучшей работы, я искал — буквально — свое место во вселенной. Марксизм позволял возлюбить весь человеческий род. Пустота дней наполнилась взрослением, а то и невидимой целью — углублением кризиса капитализма, как это называлось, и подготовкой прорыва в новую эру; неумолимым приближением Нирваны.

То была последняя из философий воздержания. Настоящее, данный момент, данный поступок были важны не сами по себе, но лишь с той точки зрения, приближают они или задерживают пришествие новой эпохи. С собой нужно жертвовать — вот суть, потому такое значение имел героизм. Мы жили в Последние Дни, все знаки указывали на Апокалипсис. Самость была анафемой, атавизмом; люди как индивиды были дематериализованы. Один русский, Островский, написал «Оптимистическую трагедию»¹ — это название, по-моему, точно отражает настроение, из которого родилось ми-

¹ Артур Миллер ошибается, «Оптимистическая трагедия» (1933) — пьеса Всеволода Вишневского (1900–1951).

роощущение Маркса; наступала радость, хоть трава не расти.

Литературе не удалось отобразить тридцатые адекватно, потому что эмоции, о которых ведется рассказ, сцеплены с явлениями политики и экономики, на самом же деле все, что мы ощущали, вертелось вокруг всеобщего религиозного очищения, вокруг не менее чем полного и безоговорочного обновления человечества. Я полагаю, мистический элемент обычно обходят молчанием потому, что думать, как Маркс, означает презирать все иррациональное. Иррациональным, религиозным, мракобесным виделся капитализм, и Гитлер был его визжащим архангелом. Ты гордился не тем, что ощущал или чувствовал, но тем, могли разложить ситуацию на классовые компоненты. Рассказывали, что брокеры с Уолл-стрит обращались к Эрлу Браудеру¹, главе Коммунистической партии, за экономическими консультациями. Коммунист знал; он узрел Неминуемое.

Обычно говорят, что все устаканилось, когда мы вступили в войну, но я думаю, что пик был пройден, примерно когда заканчивалась Гражданская война в Испании, в 1936 или 1937 году; битву ангелов выиграл злой дух. Неминуемость была потеснена; испанский народ восстал, чтобы взять будущее в свои руки, и был покорен. Затяжное и надежное мироощущение дало трещины, ты снова замечал отдельные детали, а бестолковый мир вокруг тебя со всей очевидностью готов был шагнуть вперед, оставаясь та-

ким же мелочным и пустячным. Правда, ясно осознавал ты, заключалась в том, что девяносто процентов американцев вряд ли понимали, что в Испании идет война, а среди тех, кто это понимал, половина или, может быть, даже больше были за церковь и за фашизм. Пикассо мог написать «Гернику», чтобы мир затрепетал от ужаса, увидев антинародные замыслы фашистов, но Государственный департамент, крупные бизнесмены, религиозные лидеры, Верхи всех мастей странным образом не спешили стыдить Гитлера и Муссолини, парней, стоявших за порядок и закон.

Теперь я смогу объяснить особое ощущение персональной преемственности, возникшее у меня при чтении этой книги, и движение, которое она озвучивает. Ибо в лучшем своем проявлении это движение — рывок к спасению, а не просто всплеск сексуального материализма, каковым оно было объявлено и, по утверждению худших своих противников, является на деле. Сценарий Кизи, как мне кажется, — лучшее тому доказательство. Он отправился в путешествие по собственным артериям, запроваженным наркотиками, уплыл от истории и жвачной политической жизни, швырнул горсть песка в глаза Силы, улегся посередине дороги Прогресса и заорал во всеуслышание: «Нахуй работу!» Но этим он не ограничился, и тут я возьму паузу для объяснения.

Скажем так: у стиля революций тридцатых и шестидесятых есть и общие черты, и отличия. Прежний ради-

¹ Эрл Расселл Браудер (1891–1973) — председатель Коммунистической партии США в 1932–1945 гг. В 1946 г. исключен из партии за оппортунизм.

кал перенимал новую — для среднего класса — пролетарскую речь, часто прекращал бриться, надевал рабочие сапоги и клетчатое драповое пальто; его портным был магазин армейской одежды. Он верил черному джазу и не верил аранжированной сентиментальности больших оркестров, он считал Вуди Гатри, Хадди Ледбеттера¹ и фолк-музыку более сообразными, потому что их породил не торговец, но крик боли. Он забывал (или пытался забыть) про тесные рамки семьи и заключал в объятия все человечество; когда его постигал финансовый успех, он задумывался о том, как сохранить свою отчужденность. Когда женился — давал зарок не создавать заново оставленное тяготящее хозяйство с его кастрюлями и сковородками, не жить жизнью Вещей. Он хотел жить без иллюзий, иначе говоря, практически все, что есть в Америке, особенно ее ценности, он считал вывернутыми через жопу. Люди жили в гробу материализма, их забивали до смерти в бессмысленной погоне за ржавчиной. Список общих черт можно продолжать, но нас интересуют отличия.

Некогда укушенный Марксом радикал тридцатых ощущал, что ведет эфемерную жизнь. Он мог приносить в жертву деньги или себя, помогая создавать новый профсоюз; однако, хотя сам профсоюз был важен, эта важность бледнела перед его настоящим, тайным значением: он учил рабочего быть сильным и приближал момент, когда капиталистический класс лишит-

ся власти. Глядя на произведение искусства или друга, радикал измерял их ценность по тому, насколько это искусство и этот друг приближают социализм или отдаляют его. Так его жизнь оборачивалась тропой символов; вначале он использовал их, чтобы определить свое место в истории и обществе, но вскоре символы брали над ним верх и защищали от непосредственной реальности, с которой он некогда искал гармонии и которую тщился разложить по полочкам.

Говоря прямо, он начинал жить для будущего и этим ничем не отличался от буржуазии. Иначе и быть не могло; капитализм и социализм — системы воздержания, обе они зиждутся на станке, между тем вы не можете ухаживать за станком когда вздумается, вы должны работать по часам, даже если вам хочется вместо этого заняться любовью или выпить. Ничто не могло быть иначе еще и потому, что радикалы тридцатых вышли из системы, которая развалилась, и первым делом должны были организовать новые производственные отношения, то есть запустить все заново. У радикалов шестидесятых открылись глаза, они увидели систему, льющую свои помои на каждого или почти на каждого, и в этом заключалась их проблема: как избежать затопления бессмысленным, бесцельным потоком, что загонял каждого индивида на его маленький островок с удобствами.

Вот так шестидесятники решили остановить время — время денег, вре-

¹ Вуди Гатри (Вудро Вильсон Гатри, 1912–1967) — американский фолк-музыкант и социалист. Хадди Ледбеттер (Хадди Уильям Ледбеттер, 1885–1949) — американский чернокожий музыкант, игравший блюз и фолк.

мя производства и сопутствующую им будущность. Марксистские родоначальники также видели человека мерой всех вещей, но они хотели вновь поместить его в центр, наделив силой бессильных. Результатом стала Россия, а у нас на родине — зажатые лидеры трейд-юнионов со своими сигарами. Сама по себе Сила оказалась призрачной; если человечество желало вновь обрести человеческое лицо, единственной альтернативой было — порвать помолвку с будущим и, сверх всего, с властью, которую будущее имело над душами людей; так и свершилось бы очищение. Вы живете сейчас, любите сейчас, умираете сейчас. Люди тридцатых, будь то радикалы или буржуа, были равно напуганы и утрачены такой переменой, ибо в глубине души они относились к будущему одинаково, с тем мазохистским самоотречением, что влечет за собой любое существование во имя будущего. Их душевным сбережениям угрожало новое поколение мотовствующих транжир.

Наркота останавливает время. Точнее — время денег, время производства, время общества. В голове сотворяется более-менее привлекательное общество из одного человека, религия с единственным верующим. И биение вашего сердца — часы, и будущее измеряется ожидаемыми трипами или новыми личными открытиями. Кизи однажды открылось, что ЛСД спас Америку; навсегда подорвав будущее, химический препарат открыл сердце и

сознание сегодняшнему дню, той драгоценной жизни, что была обменена на пригоршню праха. Что приводит нас к еще одному значительному отличию между двумя поколениями и к тому, что, по-моему, олицетворяет шутовское паясничанье нового движения.

Радикал тридцатых и представить себе не мог, что мир взорвется на самом деле. Ведь сказал же Клаузевиц¹, и Маркс с ним согласился бы, что война есть продолжение политики, она лишь ведется другими средствами. Мы ненавидели фашизм, но и он был просто политикой, даже когда радикалов и евреев избивали на улицах Берлина и бросали в тюрьму без суда и следствия. Мы были не в состоянии вообразить, что даже фашисты могут сжигать людей в печах. Холокост постулировал нового врага за пределами диалектики и политических дефиниций. Этим врагом был человек.

Унаследованный новым поколением Апокалипсис был уже не той, что прежде, планомерной цепью событий в умирающей системе, но зримыми картинами Хиросимы и Освенцима; авторство этих картин принадлежало в одном случае политикам-парламентариям и цитирующим Упанишады гуманистам вроде Оппенгеймера², которые все как на подбор были свои в доску, а в другом случае — их тираническим врагам. Выходило, что политические различия и принципы не гарантируют ничего. Взамен требовалась человеческая сейчасность, «включение и отпад», по Лири, чтобы темное ша-

¹ Карл фон Клаузевиц (1780–1831) — немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии.

² Имеется в виду фраза отца американской атомной бомбы Роберта Оппенгеймера (1904–1967) «ярче тысячи солнц», которой он описал ядерный взрыв.

манство политического подковыря не пожрало нас со всеми нашими благородными помыслами. Само понятие мышления, осмысления, обобщения — сознания вообще — вылетело в трубу, и многие буржуазные правительства на какое-то время дали задний ход — в плане не идеологии, но прежде всего стиля жизни, который скатился к массовому отказу от воздержания.

Что до меня, то я знал, что у этой революции нет будущего, и не потому, что она отказалась от политических воззрений, а потому, что неверным было ее представление о человеке. Ибо когда твой друг кричит «Брат!», он ничем не лучше своего отца, шептавшего некогда «Товарищ...». Борьба со злом так просто не заканчивается, что показала и судьба марксистов. Скажу больше: с моей колокольни религиозные особенности нового движения не казались полной противоположностью прежним. Маркс, подобно христианам, планировал Судный день на баррикадах, Армагеддон, по окончании которого последний станет первым, после чего не только социализм закончится, но и само государство постепенно прейдет, уступив место истинному Царствию без противоречий, исчезнут деньги, образуется чрезмерный излишек товаров. Если вам нужна машина, возьмите ее — и оставьте,

когда необходимость в ней отпадет. Эдакий небесный «Хёрц»¹. Хотя о новом фатализме Иисус с Марксом говорили бы в последнюю очередь, именно к фатализму большинство свело их строгие и призывающие к действию увещания; к тому же фатализму, думал я, львиная доля путешественников в Эру Водолея свела суровую дисциплину йоги, которая развила новое мироощущение. Вы решаете, что настроились на Судьбу, и тут же превращаетесь в Спасительный Остаток², для которого сама реальность есть не более чем эволюция символических событий; в конце концов вы не будете уже ничем, кроме того-кто-знает-как-надо, и ваши деяния потому нельзя судить судом человеков, и так далее. Несмотря на все различия, Мэнсон³, Сталин и христиане, блюдущие давнюю крестоносную традицию, в данном случае пляшут, взявшись за руки. Как часто я слышал удивление в головах тех, кто пережил тридцатые: они могли говорить то, что говорили, верить в то, во что верили. Они гордились способностью к объективному социальному анализу, но под гордыней жила вера, ощущение причастности к традиции, что ведет к Неминуемому; а исцелить подорванную веру, дабы она расцвела в сознании с прежней силой, так же невозможно, как

¹ «Хёрц» — одна из крупнейших общенациональных фирм по прокату автомобилей. Основана в 1918 г. 22-летним предпринимателем Уолтером Джейкобсом, который отремонтировал и сдал в аренду несколько машин «форд Т». В 2020 г. компания обанкротилась.

² Спасительный Остаток (*ивр.* «шеэрит ха-плита») — в иудаизме маленькая группа верующих, которая может спасти всех остальных. Выражение восходит к Книге Бытия, 45:7 («Бог послал меня перед вами, чтобы оставить вас на земле и сохранить вашу жизнь великим избавлением»).

³ Чарли Мэнсон (Чарльз Миллз Мэнсон, 1934–2017) — американский хиппи, вождь коммуны, называвшей себя Семей. После совершенных членами Семей в 1969 г. убийств (в числе жертв была актриса Шерон Тейт) Мэнсона приговорили к пожизненному заключению.

и утерянную любовь. Новейший эдемизм шестидесятых, по крайней мере для меня, отдает кислятиной; он повторял в этом смысле еще один первый акт еще одной лишенной иллюзий пьесы. Я видел «девушек любви», наконец-то свободных; но что случится, когда пойдут дети? Те девушки с детьми, за которыми я наблюдал, по большей части забавны. Они хотят более-менее точно узнать, *где находятся*. Если оттого лишь, что дети возвращают их в линейное время к долговременным обязательствам, значит высоко залетевшая анархия вернулась на землю.

Данная книга, намеренно это сделано или нет, представляет собой нечто вроде геологического разреза примерно пятнадцати лет в дебрях; при этом все перемешано, словно в ледниковой куче разнородных камней. Я имею в виду множество точек зрения как самого Кизи, так и его друзей-писателей, достигающее апогея в сценарии, с последних страниц которого можно, как с высоты, взглянуть вниз и понять наконец, к чему весь этот безумный карнавал. Ибо Кизи сумел, по крайней мере для меня, не просто нырнуть в собственный кровоток, словно бы заглянув внутрь своих же глаз, но и вновь проник в сферы, где обитают Другие, братья и сестры, к которым несет воды поток новообретенной ответственности — к ним и к миру в целом. Освященный временем рецепт такого подвига — иудеохристианское самоистязательное отречение, почти полный распад тела, раскрывшего

объятья Богу. Здесь мы видим, напротив, слияние усугубленных ощущений с наслаждением, физическое воплощение восточного мистицизма вкупе с Моисеевым наставлением служить Народу, благополучие коего служит мерой всех истин. Никогда раньше ответственность не достигалась через наслаждение.

Я хоть и скептик, но в это поверить могу. Зодиакальные друзья говорят мне, что, согласно Великому Колесу, человеческой расе по меркам индивида сейчас тридцать пять лет: время творческого расцвета, время, когда Иисус свел воедино все силы, какими обладал, и умер. Нас осеняет Любовь, Век Водолея, что начался в 1962 году. Но я, опаленный предыдущим Неминым, сторонюсь нового и предостерегаю любого, кто готов меня услышать: спор со Злом бесконечен, а если он закончен, значит человек мертв. Тем не менее, воспаряя обратно к жизни тридцатых и взирая с давней высоты на то, что происходит сейчас, я вижу сплошь сияющие чудеса.

Все мы, хоть радикалы, хоть консерваторы, молились на большое и дым из трубы; почва была создана для того, чтоб вытравлять ее и бурить в ней дыры, атмосфера казалась бездонным мусорным ведром. Сейчас, когда я паркуюсь и кого-нибудь жду, моя десятилетняя дочь поворачивает ключ зажигания. Разве это не чудо? Мы ушли из Вьетнама, потому что армия не хотела больше воевать. Простая истина; и разве это не чудо? Никсон — невзирая на Билли Грэма¹ и молитвенные завт-

¹ Билли Грэм (Уильям Франклин Грэм-мл., 1918–2018) — популярнейший американский проповедник, активно поддерживавший Ричарда Никсона.

раки — сбросил овечью шкуру, причем самостоятельно. Разве это не чудо? Словно бы земля сдавила его корни и творец преступного беззакония изгнил на месте; словно бы внутри него иссякло семя беспринципности. Разве это не чудо? В начале пятидесятых проводивший опрос сотрудник Католического университета¹ поинтересовался у меня, почему, по моему мнению, среди людей искусства и участников социальных дебатов так мало его единомыслителей. Я написал в ответ, что в этой стране сочетание ирландского католицизма и новоанглийского пуританства выжигает пылкость ума дотла. А сейчас? Чудесное зрелище: католический священник, не пряча своих чувств, ведет за собой бедных. Репортеры вскакивают и кричат на президентского пресс-секретаря, обвиняя его во лжи, — и это в Белом доме, с флагом на трибуне! Разве это не чудо? Производящая электроэнергию компания желает провести по территории нашего поселка высоковольтную линию, и мои соседи, многие из которых голосовали за Никсона, устремляются на рутинные «слушания», которыми раньше заправляла Компания, и говорят высоким штилем о красоте, и требуют защиты их прав на прекрасное так, словно они поэты. Разве это не чудо? Университет Нотр-Дам² приглашает меня читать лекцию. Разве это не чудо? Слухи о войне обрушивают фондо-

вый рынок, знамения мира поднимают его из руин. Невероятно. Я выступаю в Вест-Пойнте³. Не верю! И говорю им — через неделю после того, как Никсон вторгся в Камбоджу, откуда я только что вернулся, — что это бедствие и бесчестие и что камбоджийцы под бомбами как пить дать перейдут в коммунизм. Шестидесятилетний полковник по шею в медалях, солдафон с кавалерийскими усами, встает и говорит, что он девять лет был военным атташе США в Пномпене и что мистер Миллер прав. Разве это не чудо? Только один курсант с паранойей в глазах поднимается и спрашивает, зачем я подрываю их боевой дух, и этот курсант — сынок босса профсоюза водителей грузовиков Чикаго. Разве это не чудо? А после мы стоим на крыльце офицерского собрания с десятком полковников, все они — вьетнамские ветераны, коротко остриженные, расслабленные рюмочкой виски — признаются, что оплакивают армию, страну, честь, которая нынче не в чести; говорят об отставке, о том, что им стыдно появляться в Нью-Йорке в военной форме, и с тоской вспоминают приказы Эйзенхауэра⁴ о штурме берегов Нормандии, поскольку в приказах этих говорилось о Человечестве, об освобождении от ига тирании; и один из них восклицает: а ведь нынешние приказы совсем не об этом! Да знают ли они вообще, что такое правое дело — на

¹ Католический университет Америки — основанный в 1887 г. университет в Вашингтоне, принадлежащий Римско-католической церкви.

² Университет Нотр-Дам — основанное в 1842 г. американское римско-католическое учебное заведение, расположенное близ Саут-Бэнда, штат Индиана.

³ Вест-Пойнт — Военная академия США, основана в 1802 г.

⁴ Дуайт Дэвид Эйзенхауэр (1890–1969) — 34-й президент США в 1953–1961 гг., генерал армии. С декабря 1943 г. — верховный главнокомандующий экспедиционными войсками союзников в Западной Европе.

войне или в мирное время? Эти ветераны прислуживали в порочной церкви; возлагая на политиков вину за поражение, они потеряли уверенность в том, что заслуживали победы. Словно бы вид на Гудзон навсегда лишился чего-то, по меньшей мере — для этих людей; слепой мачизм, древняя издевка над человеческой жизнью, запнулся уже в пушечном дуле. Значит, что-то меняется.

Запоздалая мысль. Просмотрев набросанное, я осознал, что прочел эту книгу отчасти глазами иностранца. Я смотрел на нее с Левого берега, из Праги, с Красной площади так же, как из моего дома. Американские авангардисты и радикалы всегда расстраиваются, когда слышат, что за границей всё — еще хуже. Звучит как либеральная дребедень. Я, однако, имею в виду не уровень жизни, только дух. Проглотить такое особенно трудно, когда прилив рассеивается, революция исчезает в водовороте и вновь воцаряется равнодушие. Кто извлек из революции выгоду, кроме «Эм-Джи-Эм Рекордз» и универмагов, выбросивших на прилавки джинсы по восемьдесят долларов? Чем обернулись собрания всеобщей любви, кроме детей без отцов и крутых контрактов для звезд и востроглазых менеджеров вероломных гитар? Кому легче от того, что у копа, ищущего гашиш под матрасом, из-под шлема выбиваются кудряшки?

Правда состоит в том, что основополагающим требованием французских студентов во время Революции 1968 года было преобразование их университетов по утилитарному американскому образцу.

В 1968 году я встречался с писателями и редакторами родом из тридцатых

и другими бородатыми типами в редакции пражского литературного журнала «Листы»; они хотели рассказать человеку извне, что их вот-вот засадит за решетку ставшееся перед русскими правительством. Они попросили меня прийти, потому что я приехал из Америки, а откликнуться на их крик о помощи могли только американцы. Надежды у них было немного, но, кроме нее, не было вообще ничего. Тогда бушевала война во Вьетнаме, а они читали «Нью-Йорк таймс» и знали, что мы — империалисты и расисты и культура у нас отсутствует как класс; и все-таки надежда, сколько уж ее было, указывала на нас. Некоторые из них бывали тут и знали, что почем, видели Гарлем, Бедфорд-Стайвесант, наши пришедшие в упадок города, которые в сравнении с их Прагой были варварскими, разваленными, невероятно грубыми селениями, немилосердными к неудачникам. Да, они могли ожидать отклика из Франции, но им было известно, что во Франции не изменится ничего, кроме громких слов. Получалось, что лишь от этой умалишенной страны было возможно ждать невозможной помощи — пусть речь шла о начиненном оружием государстве, убивавшем в тот момент других восставших.

Однажды у Кремлевской стены я заметил моему жизнерадостному советскому переводчику, что в ночь, когда умер Сталин, в этом дворце все, наверное, сбилось с ног и никто не знал, кому выпадет подавать мяч. Он, к моему удивлению, чуток обиделся и сказал: «Нам не интересно, что там происходит; это не наше дело». Те немногие, кто считал, что это их дело, держали дома пакет с чистым бельем, чтоб идти в тюрьму не с пустыми руками. Эти не-

многие, к моему изумлению, тянулись к американцам, которых считали отчаянными противоположностями своим соплеменникам. Не конкретно к американским радикалам, но к идее главенства человека, которой, как они думали, мы все еще привержены.

Один владелец немецкой автомобильной компании (ныне он натурализован и живет в Нью-Йорке) сказал мне, что привез сюда своих инженеров и отвел их на сенатские слушания, дабы убедить всерьез заняться проблемой автотранспортного загрязнения; инженеры отказывались верить в то, что американцы не попусту сотрясают воздух, поскольку в Европе все только этим и занимались.

Отправьтесь из Ниццы в круиз по Средиземноморью, пройдитесь под парусом по Японскому морю, прокатитесь на водных лыжах вдоль западного берега Италии — и Кони-Айленд покажется вам непорочнее пруда Торо¹.

Не исключено, конечно, что мы подавимся чуть позже остальных и утонем в мусоре последними; утешение, прямо скажем, слабое. Однако если этот том — фрагмент доказательства, составляющий пусть даже незначительную часть мозаики, он свидетельствует: отчаяние, его породившее, остается для нас чем-то вроде границы, которую нужно пересечь, в то время как в иных местах оно — норма жизни.

Вероятно, лишь черный человек знает более закоснелое отчаяние, когда все меняется для того лишь, чтобы остаться поистине неизменным. Но если бу-

дущее черного человека таково, каким было всегда, его отношение к будущему эволюционировало. В осенних сумерках 1940 года на центральной площади Уилмингтона, штат Северная Каролина, около тысячи черных, рассредоточившись перед витринами, уселись или разлеглись в своих драндулетах и раздолбанных грузовиках. В то время я по временному договору с Библиотекой Конгресса (24,66 доллара в неделю) записывал в этом штате не больше и не меньше образцы голоса и совершенно случайно стал свидетелем странного, жуткого зрелища — ибо ясно было, что эти люди собрались не просто так, и в 1940 году черные просто не ассоциировались с отстаиванием прав, не говоря о протесте. (На моей памяти, во всяком случае, они стояли в стороне от радикализма тридцатых — кроме горстки тех, кому так и не удалось пробудить свой народ.) Используя микрофон как предлог, я попытался выяснить, что происходит, и собрал вокруг себя толпу, которой, видимо, внушила доверие золотая государственная печать США на дверце моего фургона — в те дни федеральным правительством был Рузвельт², белые расисты его ненавидели.

Со слов этих застенчивых сельских жителей, робких и подозрительных, я понял, что они приехали из захолустных ферм и деревушек, завербовавшись на строительство новой уилмингтонской судоверфи в болотах по соседству — топких, кишящих москитами. Когда верфь была построена, их скопом уволили, чтоб взять на все готовое бе-

¹ Генри Дэвид Торо (1817–1862) — американский писатель и философ-трансценденталист, автор книги «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854), описывающей радости жизни в гармонии с природой.

² Франклин Делано Рузвельт (1882–1945) — 32-й президент США (с 1933 г.), представитель Демократической партии (четыре раза избирался на этот пост).

лых. Только один черный всего лишь повысил голос; огромный мужчина с мощными руками поднял голову над вежливой застенчивостью и проревел тяжелым басом: «Капитан, мы приехали! Нам НЕКУДА ИДТИ!» Потом моя толпа рассосалась. Никакая полиция их не разгоняла, и лишь у нескольких белых, шедших мимо сбившихся в кучу негритянских семей, еле заметно напрыглись лица. К девяти часам вечера на площади не осталось ни одного черного — они, надо полагать, отправились обратно в свое захолустье. Оккупация площади прошла для белого Уилмингтона почти незамеченной, черные действительно вели себя очень тихо. На следующий день я брал интервью у местного представителя «Бетлехема»¹: его сбита с толку сама постановка вопроса. Как это — нанимать черных, чтоб они работали на верфи рядом с *белыми*?

Ныне подобный тип сознания невозможен, пусть даже множество черных все еще живут будто в оккупированной стране на территории, с которой так и не отступила Депрессия.

По этой и еще по одной причине меня тревожат вести о Водолее и сценарий Кизи, как бы ни были они мне по душе. Еще одна причина имеет отношение к злу и его преодолению. Эта книга и тот психический настрой, к которому она апеллирует, постулируют судьбу крайней достоверности; полученные через наркотики, молитву или что-то еще импульсы, смешиваясь в едином потоке, ведут к морально недифференцированной восприимчивости жизни,

к тропизму² чистой воды. Как будто зло есть всего лишь страх того, что скрыто у нас внутри. Так Мэнсон становится неоднозначным злодеем, ибо он прошел путь до самого конца, и если подавление чувств — наш единственный враг, Чарли воплощал собой освобождение. Не только потому, что он убивал и / или подстрекал к убийству банду малолетних ведьм, но потому, что умерщвлялись люди, которых он не знал и к которым у него лично претензий не было. Давным-давно Андре Жид³ уже написал эту историю — о человеке, который заходит в железнодорожный вагон, стреляет не глядя и убивает незнакомца. Чтоб стать свободным, осознать себя, потеряв себя в абсолютно беспричинном деянии, вырваться из объятий будущего, иными словами, вырваться из Времени, выйти за скобки, каковыми является любая отдельно взятая жизнь, и растечься наконец по Вселенной и благодати.

Идея книги пригубливает из этой чаши, однако мне кажется, что за Кизи вступается еще один род спасения — чувство формы, разность между искусством и суетливой импотенцией креатива. Он спустился с небес на землю самопровозглашенным романтиком, создающим сочинения классического толка, искусно написанные и очищенные от случайностей, сочинения, приноровленные для общения и убеждения. Его искусство жаждет спасти страну, и его провозвестие — иеремиада не столько грядущего рока, сколько доступной благодати. Потому оно выламывается из по-

¹ «Бетлехем Стил Корпорейшн» — некогда второй по величине поставщик стали США. Компания обанкротилась в 2001 г.

² Тропизм — безотчетная реакция организма на внешние раздражители.

³ Андре Жид (1869–1951) — французский писатель.

стылой орбиты нигилизма и сообщает мне, что Кизи покинул шестидесятые. Оно также проливает свет на нынешнее замешательство исчезающей в водовороте силы, потери которой мы видим повсеместно: люди с выжженными наркотой мозгами, слишком юные девушки с нежеланными детьми, а хуже всего — люди в здравом уме и твердой памяти, которые десять лет назад отправились в Нирвану и опять очнулись в Соединенных Штатах Америки.

В 1949 году человек тридцатых и подумать не мог, что через несколько лет возникнет движение за общественную справедливость столь громогласное и убедительное, что само слово «общество» вызывает с той поры подозрение. Однако еще десятью годами позже о справедливости заговорили вновь, и к этому времени пробудились черные.

А дело было просто в том, что люди поверили в небылицы тридцатых, и то же самое произошло сейчас, когда страна одновременно и отвергла, и переварила идею шестидесятых. Возможно, поэтому (во всяком случае, для меня) возвращение сюда из-за границы — всегда слегка застающее врасплох переживание надежды. Здесь вечно что-то меняется, движется вперед вслепую и наощупь, чего не скажешь о других, более совершенных местах. Очевидно, нам не суждено быть мудрыми и застыть в созерцании собственной циклической повторяемости; мы должны плодить новые поколения, которые категорически отрекутся от прошлого и снова отправятся в тот предел, где нет ни зла, ни борьбы.

Он не случится — и он случается здесь и сейчас.

Артур Миллер

Сторджис Холливелл, Старший Научный Советник «Викинга», по-прежнему приписанный к зоне операций Западного побережья, намеренно громко шлепнул своим экземпляром Предисловия Артура Миллера по столу.

— Именно! — воскликнул он. — Продолжаем исследования согласно плану.

— Но как нам быть с безымянными представителями *Inteligencia Communitatis*, которые считают, что литературные подвиги на передовой массового книгоиздания не стоят и ломаного гроша?

— Прессуй их! — ответил Сторджис, возвращаясь к Архивам, и под возмущенным взглядом общедоступной, публичной, бдящей Прессы, неусыпно освещавшей каждое наше движение, мы обнаружили еще одну драгоценность исторического значения, тотальнее которой в печатном мире нет ничего: Комикс.

Я силой заставил Сторджиса отвлечься от исследования выкрашенного светящейся краской рыбного садка.

— Помнишь, мы читали комиксы так, будто это настоящие книги?

— Конечно. Но тогда мы были детьми.

— Да, но потом все повторилось.

— Seriously? Когда же?

— Когда «Марвел Комикс» стали настолько хороши, что мы покупали каждый новый выпуск, горя желанием узнать, что будет дальше.

— Да, разумеется. Фантастическая Четверка. Док Стрэндж, когда его рисовал Стив Дитко. О, милые шестидесятые...

— С этими выпусками происходило нечто удивительное. Когда им была доступна чаша Благодати, они фиксировали и воспроизводили текущую версию Человеческой Блажи, что становилась все блажнее и блажнее.

— Мне нравился раздел, в котором на вопросы читателей отвечал сам Стэн Ли. Рассказывал, что случилось с тетушкой Мэй, пока мы следили за Питером Паркером.

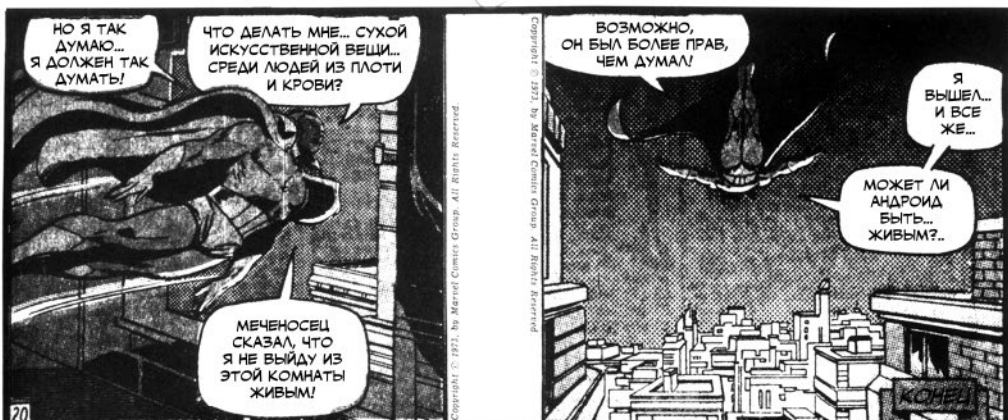
— То была возможность заглянуть за кулисы, побывать в Зазеркалье. У нас тут есть кое-что того же рода... Вот, взгляни.

И я врочил Сторджису первую страницу. Это был

ЛОТ НАРАСХВАТ НОМЕР

1

НО Я ТАК
ДУМАЮ...
Я ДОЛЖЕН ТАК
ДУМАТЬ!

ЧТО ДЕЛАТЬ МНЕ... СУХОЙ
ИСКУССТВЕННОЙ ВЕЩИ...
СРЕДИ ЛОДЕЙ ИЗ ПЛОТИ
И КРОВИ?

МЕЧЕНОСЕЦ
СКАЗАЛ, ЧТО
Я НЕ ВЫЙДУ ИЗ
ЭТОЙ КОМНАТЫ
ЖИВЫМ!

ВОЗМОЖНО,
ОН БЫЛ БОЛЕЕ ПРАВ,
ЧЕМ ДУМАЛ!

Я
ВЫШЕЛ...
И ВСЕ
ЖЕ...

МОЖЕТ ЛИ
АНДРОИД
БЫТЬ...
ЖИВЫМ?..

ЗА ЗЕРКАЛЕ...

письма к ВИЖЕНУ¹

Дорогая редакция!

Я решил наконец сказать вам, что думаю. **ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ВИЖЕНА? НИКОГДА!** Вижен — мой самый любимый Мститель; я читаю МСТИТЕЛЕЙ только из-за него и Черной Пантеры. Без него ваши сюжеты очень скоро пойдут псу под хвост! Вы сделали его даже круче прежнего, он обрел тайную личность и стал играть в ваших историях большую роль. И вдруг вы избавляетесь от него безо всяких причин. Ничего хуже и придумать нельзя. Пожалуйста, верните его, и быстро. Дайте ему работу, как вы дали работу Пантере — кстати, я думаю, это была отличная идея.

Рэнди
Кэнфилд, Огайо

Спасибо, Рэнди. Мы с тобой, конечно, согласны. Ты наверняка следил за удивительной развязкой истории Летального Ле-

ДРУЗЬЯ,
ВАШИ
РАЗУМЫ
ДЛЯ МЕНЯ —
ОТКРЫТАЯ
КНИГА!

гиона и понял, что Вижен снова в седле. Только учти, друг, сюрпризы на этом не закончились — ни для тебя, ни для нашего грозного андроида-Мстителя. Затаи дыхание и следи за событиями!

Ред.

Уважаемая редакция и прочие!

Я так понимаю, вы хотите в ближайшее время представить нам супергероя — американского индейца. Надо полагать, за ним последуют «Супержид»

и «Желтая Угроза». Я думаю, вы добьетесь куда большего успеха, если потолкуете с Билли Томасом² и возьмете его на работу. Классно было бы, если б черняшки «Бестрепетных Трипов» полопотали для разнообразия именно как черняшки!

Стив Шустер
Гранд-Канал-Корт
Венеция, Калифорния

Напротив, Стив, мы считаем, что не все черные «лопочут как черняшки», что бы это ни значило.

Ред.

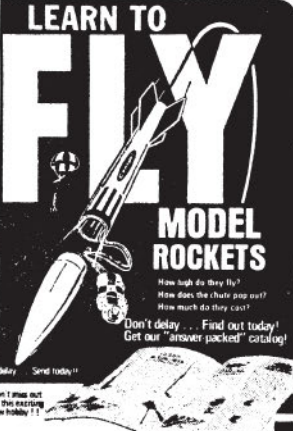
Дорогой Вижен!

Хочу кое в чем признаться. На какое-то время я выпал из обоймы. В шестидесятые я мог безбоязненно постигать твои откровения и бросался в ураган твоих приключений, что бы они ни предвещали. Помнишь, когда опасности невоз-

¹ Вижен (Vision) — супергерой-андرويد из комиксов «Марвел Комикс».

² Билли Томас (Уильям Томас-мл., 1931–1980) — афроамериканский актер, ребенком игравший в серии короткометражек «Наша банда» (1934–1944), чем и запомнился зрителям.

LEARN TO FLY

MODEL ROCKETS

How high do they fly?
How fast do they drop out?
How much do they cost?

Don't delay... Find out today!
Get our "answer packed" catalog!

Send today!

I'm out this evening or today!!

CENTURI ENGINEERING CO.
Box 1988 Dept. A-100
Phoenix, Arizona 85001

I'd like to find out more about model rocketry. Here is my 25¢ for your big supply catalog. (Return on 1st order)

Name _____
Address _____
City _____

GAME WARDEN
GOV'T HUNTER, FORESTER, WILDLIFE MANAGER

Exciting job openings now for qualified men who love outdoor work. Protect forests and wildlife — arrest violators! Good pay, security, prestige and authority for respected career. Conservation Officers. Easy home-study plan! Send for FREE Fact BOOK, aptitude QUIZ, and SUBSCRIPTION to Conservation magazine. State your age.

NORTH AMERICAN SCHOOL OF CONSERVATION
Campus Drive, Dept. 0301A, Newport, Calif. 92660.

DON'T BE FAT

INTRODUCTORY OFFER
Good for a short time only!
REDUCING PLAN with KAL-X TABLETS! NO UNNATURAL LIQUID DIETS! EAT NORMAL SOLID FOODS. NO STARVATION DIETS! NO HARMFUL DRUGS! GUARANTEED SAFE!

RUSH YOUR ORDER NOW TO

With Aids Co. Order Dept. MCK26
1, Rugby Sta. Brooklyn, N. Y. 11203

please rush your wonderful KAL-X PLAN & TABLETS
immediately. You promise that KAL-X PLAN & TABLETS
help me lose weight as guaranteed or you will refund
money upon return of KAL-X.

30 day supply of Kal-X Plan & Tablets \$3.98
60 day supply of Kal-X Plan & Tablets \$6.98
90 day supply of Kal-X Plan & Tablets \$9.98

NO deposit required with c.o.d. orders

State _____ Zip _____

E \$\$ FROM MR. MONEY
10 U.S. Dimes or 4 U.S. Quarters dated
7/1/81 and receive back \$1.25 U.S. money.
Limit \$5.00

ONEY Box 23234 San Diego, Cal. 92123

можно было встретить лицом к лицу, один лишь страх перед неведомым становился активным ингредиентом, который накачивал нас адреналином до требуемого уровня отваги, — и мы сносили неведомое напряжение, потеряв счет времени?

А потом как-то вдруг, когда ты стал героем, за которым следовала бездна электронных глаз, и в этой бездне массивные пассивные толпы счастливо откидывались на спинки стульев и наблюдали следующий твой подвиг, я тоже обленился, забросил работу, заглушил шумные реле, доставлявшие информацию о новых назначениях и новых приключениях, и наслаждался постоянными повторами твоих более популярных и, да, я должен это сказать, более прибыльных сумасбродств.

Это послание уже стало исповедью; пойду дальше и признаюсь в том, что, стоя за кулисами и глядя на тебя, я не слишком-то расстраивался из-за твоего будущего заката, вероятность которого была тем выше, чем больше моих друзей, ранее сражавшихся бок о бок за правое дело Вижена, уходили на покой и присоединялись ко мне. Прошло совсем немного времени, и все мы один за одним выскользнули за кулисы, обежали здание кругом, зашли с главного входа, заплатили за билеты, пробрались в зал и уселись в плюшевые кресла первого ряда, чтобы стать очевидцами неминуемого провала, который оттуда виделся столь же прекрасным, как грандиозный триумф.

В то время неведомо было лишь одно: будем ли мы кричать «браво» (после чего поспешим на сцену, бережно поднимем на руки тело и устроим скорбные похороны до начала проб на роль новой жертвы).

Но ты, Вижен, чудесным образом выдержал все. Невзирая даже на рассказы и слухи о твоей близящейся гибели, исходившие от самых доверенных знакомцев, ты действительно «хранил веру». В конце концов, оставляя в стороне слезливые воспоминания, я именно затем и пишу тебе письмо, пытаюсь связаться с тобой впервые с конца прошлого десятилетия, когда уммышленно перестал следить за твоими делами, чтобы сбегать, ликвидировать бардак в голове и избавиться от подержанных образов, которыми себя обложил. Справедлив избыток миазмов зрительской юдоли в чистилище прошлого вместе с прочим мусором истории, я мог с новыми силами взяться за дело.

И что ты думаешь? Только открыв глаза и осмотревшись, я узрел... кого?

Правильно! Вижена! И вот, узрев Вижену (ты, как обычно, мчался по лезвию бритвы, извивался угрем, лез вон из кожи, выбивался из сил и стонал, но держал), я тут же заскочил в сюжет, достал из потайного чулана громогласный хохот и волосы дыбом, смахнул с них пыль, завел вручную, потренировался на кошках и приготовился пустить свой арсенал в дело; но тут ты походя расправился с демоном семидесятых, что хотел было сбить человечеству новейшие сочные изыски и удовольствия, и вдруг пропал, ушел давать бой очередному выскочке; а я одиноко волевался позади, размышляя, как бы поспеть за тобой раз и навсегда. Вот я и решил написать Вижену письмо, предложить Правому Делу свои услуги.

Кизи К.

- К38 Гаражная распродажа : 5 Лотов Нарасхват с костями от гостей / Кен Кизи ; пер. с англ. Н. Караева. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 448 с. : ил. ISBN 978-5-389-15305-9

Кен Кизи — «веселый проказник», глашатай новой реальности и психоделический гуру, автор эпического романа «Порою блажь великая» и одной из наиболее знаковых книг XX века «Над кукушкиным гнездом», энтропического сборника «Когда явились ангелы» и авантюрной антиутопии «Песнь моряка», а также «настоящего вестерна» под названием «Последний заезд». Но даже на столь разнообразном фоне «Гаражная распродажа» и ее «5 Лотов Нарасхват с костями от гостей» стоят особняком. Этот обильно иллюстрированный том, не переиздававшийся на языке оригинала вот уже почти полвека и впервые выходящий на русском языке в полностью локализованном виде, содержит предысторию написания «Над кукушкиным гнездом» и размышления автора о собственном творчестве, инструменты из черепной коробки и мультимедийный сценарий «По ту сторону границы», написанный по следам бегства Кизи от полиции в Мексику, а также многое другое от одного из величайших писателей в мире...

«Голос Кена Кизи узнаваем сразу, и время над ним не властно» (*San Jose Mercury News*).

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Литературно-художественное издание

КЕН КИЗИ

ГАРАЖНАЯ РАСПРОДАЖА

5 ЛОТОВ НАРАСХВАТ С КОСТЯМИ ОТ ГОСТЕЙ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Александра Балабанова
Корректор Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 27.03.2021.
Формат издания 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 36,12. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

У-ВНК-23685-01-Р